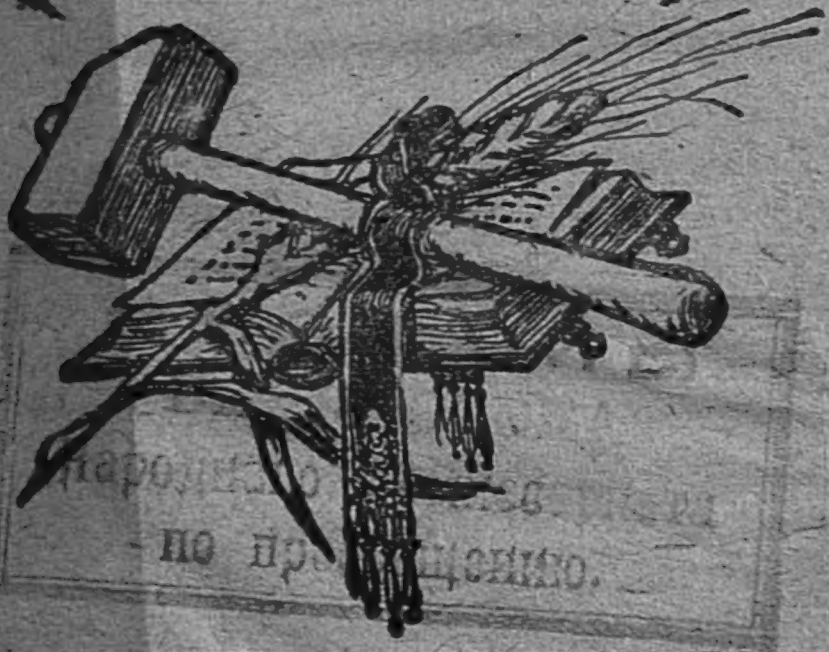
ДБ
500
Б 95
Бестужевский
„Антонта Рос-
„сия и Рев...“
1920 г.

327(4):323.2(47)
DБ
500
Б95

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БЫСТРЯНСКИЙ

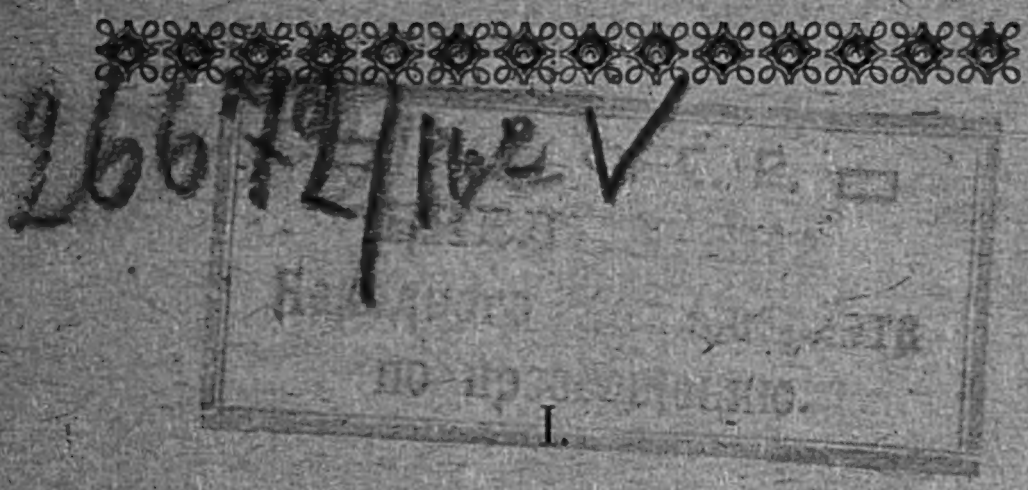
АНТАНТА, РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✻ 1920

Р. В. Ц., Петербург.

Первая Госуд. Тип., Гатчинская, 26.



I.

Все новые и новые отряды пролетариата встают под знамя Третьего Коммунистического Интернационала.

Все крепнет и растет международная солидарность пролетариата, залог его конечной победы.

В то же время все разрастаются раздоры между Францией и Англией, Англией и Америкой, Америкой и Японией и трения в лагере эксплоататоров, но, несмотря на это, они видят себя вынужденными сделать попытку противопоставить братскому содружеству пролетариев свой союз хищников.

Что такое Лига Наций? Эти слова означают союз народов,—но на деле это есть союз империалистских правительств против народов. Интернациональный капитал создает разбойничий союз мировой буржуазии про-

тив пролетариата, взявшегося за дело своего освобождения.

Лига Наций по мысли ее основателей должна стать исполинским мировым трестом для эксплоатации мира и для грабежа колоний—с одной стороны, для беспощадной борьбы с растущей не по дням, а по часам коммунистической революцией—с другой.

Лига Наций уже показала себя на деле удушения рабочей революции: это от ее рук погибли советские республики в Венгрии и Словакии, это ее агенты натравливали на Советскую Россию царских генералов и окраинные государства России, это ее войска действовали вкупе с русскими белогвардейцами на всех фронтах России.

Все эти разбойничьи подвиги совершались под флагом мира, прикрывались теми же благородными словами, как и участие империалистских держав в грабительской войне.

Сто лет тому назад Европа знала образование, похожее на Лигу Наций. То был Священный Союз, организованный европейскими монархами после Венского конгресса, на котором они ограбили Францию и поделили

карту Европы, распоряжаясь народами, как скотом.

И инициатором Священного Союза был русский император Александр I.

Энгельс в 1890 году в своей статье «Die auswärtige Politik des russischen Zarentums», напечатанной в «Neue Zeit» за 1890 год, писал о внешней политике русского царизма:

«Просвещение—вот каков был в XVIII столетии пароль царизма в Европе, как освобождение народов в XIX в. Не было такого захвата территорий, такого насилия, такого угнетения со стороны царизма, которое было бы совершено не под предлогом просвещения или либерализма, освобождения народа. И эти дети, западно-европейские либералы, вплоть до Гладстона верили этому. Точно так же такие же глупые консерваторы несокрушимо доверяли фразам о защите легитимизма, о поддержании порядка, религии, европейского равновесия, святости договоров, которые находятся на устах в официальной России.

«Русской дипломатии удалось обмануть обе большие буржуазные партии Европы».

Теперь эти фразы мы слышим из уст вождей мировой «демократии»—в качестве застрельщика объединения всех черных сил. Вместо главы самодержавной монархии выступает президент демократической республики—Вильсон.

Сообразно традициям царской дипломатии, Священный Союз, основанный для борьбы с грозившей тронам буржуазной революцией, побежденной в лице Франции, но не разбитой, заключенный «во имя пресвятой и нераздельной троицы», маскировал свои подлинные цели религиозной фразеологией.

«Соотношения между государствами и подданными», как гласил подписанный 26 сентября 1815 года государями России, Австрии и Пруссии акт об основании Священного Союза, «должны быть основаны на высших истинах, которым научает нас вечная религия Бога Спасителя». «Государь и союзники», говорится в этом акте, «должны считать себя уполномоченными Провидения».

Сто лет тому назад абсолютные монархи заключили Священный Союз для борьбы против буржуазного либерализма, они обяза-

лись «давать друг другу во всяком случае и во всяком месте поддержку, защиту и помощь». Они использовали тогда религиозное суеверие для своих контр-революционных целей.

С тех пор прошло больше ста лет—и капиталистическая буржуазия, закладывая основы своего союза для борьбы с объединившимся против нее международным пролетариатом, не решается больше прибегать к речам о божественном характере своего дела, ибо религиозная метафизика безвозвратно потеряла власть над умами масс.

Империалисты используют в своих интересах светскую идеологию демократической буржуазии,—они говорят о культуре, о цивилизации, о праве народов на самоопределение.

Но их дела опровергают их слова.

Вот последнее деяние Антанты.

«Берлинер Тагеблатт» в статье от 29 декабря так характеризует мирный договор между Антантой и Болгарией: «Подписанным в Нельви мирным договором фактически *уничтожается государственная не-*

зависимость Болгарии. Согласно договору, в Софии пребывают комиссии Антанты, которые будут принимать участие в решении всех вопросов внутренней и внешней политики Болгарии.

«Вместо права на самоопределение торжествует право победителя. Македония отходит к Сербии и Греции, несмотря на ярко выраженный болгарский характер Македонии и без всякого опроса македонского населения. Отходит от Болгарии также Фракия и железнодорожная линия к Дедеагачу. Южная часть Добруджи с коронными болгарскими городами Балчик и Добрич также отрывается от Болгарии и отходит к Румынии».

Так осуществляются пышные фразы!

Но ссылки на божественный характер их дела, на Провидение не спасли Священного Союза от крушения, его доконал революционный 1830 год, когда Франция посадила на трон короля баррикад, когда Бельгия провозгласила свою независимость, самостоятельно избрав себе короля, который присягнул на верность конституции, когда отдельные германские государства полу-

чили сравнительно либеральные конституции.

Буржуазная революция сокрушила Священный Союз.

Священный Союз наших дней—Лига Наций—будет сметен волнами рабочей революции!

Французская буржуазия стоит долгое время во главе той шайки международных разбойников, которая идет войной на рабочих и крестьян России.

Недаром в одном белогвардейском документе, попавшем в руки Советской власти, говорится, что на Америку надежда русских белых плоха, на Англию трудно положиться, но зато на Францию поборники «Великой» (т.-е. царской) России полагаются, как на каменную гору.

Между тем та самая буржуазная Французская республика, на которую ныне возлагают все свои надежды российские царисты, насчитывает в своем прошлом героические эпизоды, во многом напоминающие—mutatis mutandis—борьбу русских рабочих и крестьян за свою свободу в наши дни.

Нынешние жалкие эпигоны великих предков ужасаются по поводу расстрела русского венценосца: Пишон на заседании французской палаты депутатов воспользовался как раз этим фактом для громовых речей против русского террора, как будто Французская республика при самом своем появлении на свет не отрубила головы Людовику XVI!

По выражению Маркса, применявшийся Французской Революцией «террор был лишь плебейским способом расправы с врагами буржуазии»,—а теперь потомки борцов 1793 года лицемерно негодуют, когда русский пролетариат пускает в ход те же «плебейские» приемы в борьбе со своими классовыми врагами...

Правда, в конце XVIII века Англия занимала по отношению к Франции ту же позицию, что французская буржуазия заняла по отношению к Русской Революции.

И Луи Блан справедливо иронизирует по поводу английских буржуа, что

«потомки людей, убивших Карла I, не могли постичь, как можно отрубить голову королю» («История Французской Революции», т. VIII).

История Великой Французской Революции могла бы, казалось, научить клянущихся ее традициями Клемансо и Пишонов, что невозможно подавить народ, завоевавший себе право устраивать жизнь по своему усмотрению.

Луи Блан говорит о положении Франции в 1793 году:

«Положение беспримерное! Одно только могло сравняться—и сравнялось—с ним: героизм Конвента, сочетавшийся с бесстрашным порывом французского народа».

Собрание Конвента «покрыло рукоплесканиями слова Барера: «Одним врагом больше для Франции, это значит лишь одною победой больше для свободы», и в полном высоком доверии к будущему спокойно, единодушно объявило войну Испании» («Ист. Фр. Рев.», VIII).

Вот как Луи Блан рисует революционный энтузиазм, охвативший парижан:

«Весь Париж был уже на ногах; секции собрались; зрелища закрылись; в каждом квартале возобновилась замедлившаяся было запись добровольцев; все молодые люди, служившие в разных бюро Коммуны, стали

уходить в армию, и Коммуна объявила, что не будет больше принимать на городскую службу холостых; Главный Совет напечатал следующее воззвание, вокруг которого в трепете теснился народ: «Деятели 14 июля, 5 октября, 10 августа, пробудитесь!» Над ратушей взвился черный флаг, и собравшиеся в поход добровольцы останавливались только для того, чтобы попросить Конвент позаботиться об их детях и женах, так как сами они идут умирать» (VIII, 106).

«Сердце Парижа сильно забилось. Как в Спарте не одна простолюдинка при последнем прощании с мужем говорила ему, чтобы он возвращался не иначе, как победителем» (т. VIII, 273).

А вот красноречивый документ из истории борьбы с Вандеей, относящийся к маю 1793 года:

«Народные представители при армии Ларошельского побережья, принимая во внимание: что с тех пор, как город Фонтенэ находится во власти мятежников и они уже угрожают городу Ниору, жители соседних округов и департаментов поднялись массою, все без исключения, и бросились на помощь

к последнему из названных городов; что у большого числа их нет ни пик, ни ружей; что они вовсе не организованы, и что, пока они организуются, пройдет значительное время, в продолжение которого потребление съестных припасов примет ужасающие размеры; что наступило время сенокоса; что есть общины, в которых остались одни женщины;... в поход пожелали пойти и старики, не подумав о том, что полезны они быть не могут;—принимая все это во внимание, постановляют: национальным гвардейцам собраться сегодня же, чтобы выбрать из них тех, у кого, вместе с доброю волею, окажутся и наиболее пригодные для военного дела качества» (Луи Блан, VIII, 286).

А вот как французский народ относился к дезертирству. Луи Блан спрашивает:

«О, что сталось бы с Францией, если бы не было у нее в ту пору для ее обороны и спасения таких сердец, величественнее которых никогда не бывало в древности? Один бедняк-уксусоторговец в Анжере, по фамилии Годэн, не мог предложить родине ничего, кроме своего сына: он отдал его.

и молодой человек служил в Северной армии. Почувствовав непреодолимое желание повидаться со стариком-отцом, он без отпуска ушел из своего батальона и постучался в дверь родительского дома. «Кто там?»— «Твой сын».—«Лжете: мой сын на границе, перед неприятелем... Не отворю» (Т. IX, стр. 160).

Пусть господа Клемансо и Пишоны вспомнят о героическом прошлом своего класса, когда он играл еще в истории революционную роль, и они убедятся, как безнадежны их мечты раздавить рабоче-крестьянскую революцию в России.

Революционная Франция в 1793 году победила противостоявший ей мир врагов; революционная Россия выдержала войну с империалистической коалицией, во главе которой идет ставшая ныне реакционной Франция.

II.

Уже в конце 1919 года правители Англии начинали понимать, какой авантюрой была интервенция.

Ллойд-Джордж в своей речи, произнесенной в Гильд-Голле, сказал, между прочим, еще следующее:

«Мы не можем до бесконечности продолжать так дорого стоящее вмешательство в гражданскую войну». Он далее сообщил, что английские войска уже отозваны из России, и откровенно признался в том, что он рад этому, так как, по его словам, Россия является «сыпучим песком», и что, хотя победы там достигались легко, но «там можно и потонуть в победах». «Россия,—сказал Ллойд-Джордж,—является страной, в дела которой опасно вмешиваться».

Еще до этого, во время дебатов на заседании английской палаты общин 29 октября

«Черчилль заявил, что ген. Деникину было сообщено, что в будущем году его армия больше не будет получать помощи от союзников, но, как последний дар, ему передается военное снаряжение стоимостью в 15 тыс. ф. стерлингов».

Союзники начинают понимать, что интервенция, вместо того, чтобы представлять серьезную угрозу для Советской России, является грозной опаспостью для них самих.

125 лет тому назад, во время величайшей из буржуазных революций,—французской революции 1789 года, в подобном же положении находилась и феодально-монархическая коалиция.

Вот что пишет французский историк Альбер Сорель о боровшихся против Франции реакционных державах Европы.

«Они чувствовали, что влияние этой революции проникает и в их страны. Пропаганда, организованная якобинцами, была одной фантасмагорией, и полиция имела возможность преградить ей доступ; но существовала другого рода пропаганда, против которой оказывались недействительными и таможен-

ные и санитарные кордоны: то была *живая пропаганда примера, та, которая производилась самым фактом борьбы.* Газеты, даже подчиненные цензуре и проповедывавшие отпор французской революции, тем не менее распространяли в среде населения мысль, что революция провозглашает равенство всех людей и освобождает крестьянина от тягости барщины и барских поборов. Этого было вполне достаточно для того, чтобы весть о совершившемся во Франции перевороте долетела до самой отдаленной окраины Европы. Везде, где только существовало недовольство своим положением и нужда, везде, где существовали злоупотребления сеньоральной власти, где подати были отяготительны, где общественные повинности распределялись неравномерно, где великие мира были ненавистны, а правительства ненавидимы, везде Франция находила сторонников и подражателей. Правительства начинали отдавать себе в этом отчет; но, усматривая в этой смуте умов лишь признак злой воли народов, вместо того, чтобы приписать ее собственной несостоятельности, они не находили иных

средств против ее распространения, кроме усиления гнета насильственного подавления».

(*Сорель*, «Европа и французская революция», т. IX).

Державам, вставшим на защиту старого порядка во Франции, приходилось бороться не только с победоносными армиями Французской республики, но и с недовольством своих собственных подданных.

Вот что рассказывает об этом Луи Блан:

«Если бы правительства, воевавшие с французским народом, не имели иных поводов к смущению, кроме его постоянных побед!.. Но их смущала не менее своих поражений нескрываемая ненависть их собственных подданных к борьбе, от которой на их долю оставались лишь позор извне и бедствия внутри.

«С одного конца Европы до другого были только горькие жалобы на этот всемирный пожар, на эгоизм королей, их бесчеловечную настойчивость, а также на безумие народов, глупых стад, позволявших вести себя на убой для поддержания своих тиранов.

«Ведь мы идем на борьбу с самими собою», говорили, выступая против Французской республики, те тысячи солдат, сынов народа, которых коалиция посылала на смерть.

«И не один только народ повсеместно проклинал эту злополучную войну; даже в средних классах, даже в высших слоях общества она многим казалась ужасною. Настолько были заразительны идеи политической и религиозной свободы, вооруженным апостолом которых являлась Франция.

(«История Французской Революции», т. XII).

Так и теперь противниками интервенции являются не только пролетарии Запада, но и левые, радикальные слои буржуазии и интеллигенции,—из этой среды все чаще подымается голос протеста против бесцельного расточения материальных средств и человеческих жизней на восстановление старого порядка в России.

Наследники Питта не смеют теперь двинуть против якобинцев XX века—пролетарских революционеров России — свои войска,—

они могли только субсидировать войска русских контр-революционеров; ныне под давлением становящегося все более грозным недовольства собственных подданных Ллойд-Джордж и Клемансо вынуждены отказаться и от этого способа поддержки отечественной коптр-революции.

III.

Нигде, может быть, так ясно не чувствовалась безвыходность дела контр-революции, как в тех местах России, где она раньше всего восторжествовала с помощью войск союзного империализма.

Так, как известно, обстояло дело на Севере России, где в начале августа 1918 года англичане высадили десант и захватили Архангельск.

Теперь, под давлением английских рабочих, правительство Ллойд-Джорджа вынуждено было дать обещание вывести свои войска с Севера России.

Какая же перспектива ожидает там наших белогвардейцев?

Ответ на это дает любопытнейшая корреспонденция, помещенная в лондонском «Таймсе» от 25 июля.

Она говорит, что английские войска оказались не в состоянии противостоять столь сильному противнику, каким оказалась Красная армия.

«Недоумение наших отечественных критиков вызывает, вероятно, тот удивительный на первый взгляд факт, что наши свежие и мужественные войска, прибывшие сюда из Англии в июне для поддержки лояльных русских, не в состоянии были одержать решительную победу над теми большевистскими войсками, о которых часто говорилось, что они плохо сражаются, недисциплинированы и нуждаются в снаряжении».

Но дело вышло совсем не так. Население, по словам корреспондента,—на стороне большевиков.

«Каждое предполагаемое передвижение делалось известным. Я вспоминаю, что вечером накануне предпринятого нами похода на Вагу я разговорился с одним из крестьян и был поражен, что он знает все об этом деле. План нашей атаки на Топсу, за несколько дней перед тем, как русские взяли деревню и пятьсот пленных, обсуждался населением задолго до приведения его в

исполнение. В результате чего то, что могло быть решительной победой, превращалось просто в неудачный набег. Мне кажется, что мы не обратили внимания на тот факт, что большевики имеют шпионов в каждой деревне; у них нет аэропланов, в то время, как у нас их много, но они знают наше расположение так же хорошо, как мы их. Может быть вы спросите: *почему эти крестьяне, которых мы пытаемся спасти от большевиков, предают нас неприятелю?* Право, это не так уже трудно понять. С самого начала русские не вполне доверяли нашей искренности».

Англичанин пытается объяснить помощь крестьян Красной армии «чувством самосохранения», опасением мести с их стороны после ее победы, но дело объясняется гораздо проще: крестьяне знают, что Красная армия защищает их дело.

С другой стороны, английские войска не были готовы к длительной борьбе.

«Мы не серьезно отнеслись к данному положению. Вновь посланные войска предполагали, что они вернутся, как только помогут находившимся тут прежде: они должны

были помочь генералу Айронсайду выбраться из России—только это и ничего больше. Это было сказано людям. Они предполагали, что это—короткая увеселительная прогулка за счет правительства».

А дело оказалось очень серьезным. Между тем, с уходом англичан дело белых проиграно безвозвратно.

«У меня были многочисленные возможности,—продолжает корреспондент,—обсуждать положение не только с лойяльными русскими, но и с людьми ярко-выраженного большевистского направления. Лойяльные русские, находящиеся в этой несчастной стране под нашим покровительством, говорили нам: «Бога ради, не оставляйте нас, чтобы мы опять не попали под власть большевиков». Другие говорят: «Мы согласны ждать, пока вы уйдете, а затем будем делать наше дело». Они *верят в то, что настоящая лойяльная русская армия перейдет на сторону большевиков в тот момент, когда мы отзовем свои войска. И я сознаюсь, что разделяю эту уверенность. Я уверяю вас, что, когда батальон Дайера восстал, соседний*

русский отряд только случайно не присоединился к нему».

А редакция «Таймса» многозначительно прибавляет от себя:

«С тех пор, как это написано, пришло известие о другом восстании в Онеге».

Чтобы спасти дело белых,—пишет корреспондент,—англичанам нужно было бы остаться в Архангельске еще на год; они должны были бы прислать целую дивизию.

А между тем не следует не дооценивать большевиков, как войско,—пишет он.

«В продолжение зимних месяцев шестая армия, стоящая теперь против нас, не была чересчур угрожающей или вернее не была бы, если бы мы имели там войско, состоящее из людей, физически способных к действительной службе. Были периоды, когда эта армия выражала явное желание положить оружие и покончить с войной; армия находилась в состоянии полного морального разложения. В течение нескольких последних месяцев в ней произошла *радикальная перемена*. Ее стрельба колоссально улучшилась. Говорят, что командующим назначен

Уберович, бывший поручик русской царской армии. И мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело. *Поразительная точность его артиллерийского огня* на Вагском фронте несколько недель тому назад показывает, что у его орудий находятся хорошие инструкторы».

Большевики сильны и в самом Архангельске; по словам корреспондента, их «в городе много», и «на каждого из них возложена соответствующая работа».

Из 80.000 жителей города, по его словам, «лойяльных русских 33.000 (?)»,— остальная же большая часть населения, следовательно, находится на стороне красных.

Только при посредстве чужеземных штыков и можно на время удержать господство помещиков и капиталистов над массами в эпоху великой народной революции,— это положение независимо от своей воли доказал корреспондент «Таймса».

Это начинает, повидимому, понимать и английская буржуазия,—недаром она выводит войска с Севера России,—она видит

невозможность борьбы против народных масс России, уже нет для этого достаточного количества покорных штыков.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Просп. 25 октября, д. 28.

	Цена. Р. К.
Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции. Разошлось.	— 55
Алексеев и *Варлен.* Две речи	— 70
А. Р. Из прошлого Венгерской Соц.-Демократии	1 25
Арну. Мертвецы Коммуны.	— 45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны.	10 —
Афиногенов (Степной), Н. Записки ополченца. Разошлось.	1 25
Бакс. Парижская Коммуна.	1 75
Барбюсс. В огне. 3-е изд.	30 —
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки. . . .	5 —
Бебель, А. Интеллигенция и социализм.	1 25
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. I.	7 50
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. II, ч. I.	7 50
Его-же. Христианство и социализм. . .	— 50
Его-же. Женщина и социализм	25 —
Бедный, Д. Земля обетованная.	1 20
Его-же. В огненном кольце.	1 50
Его-же. Песни прошлого.	3 —
го-же. Сытый голодного не разумеет (басни .)	4 50